

Глава 13:

Противник был вооружен па-дао, длина клинка составляла около метра двадцати.

Двое крепких мужчин, обладающих немалой силой, атаковали одновременно: один наносил прямой рубящий удар, другой — косой. Их клинки скрестились, перекрывая верхний и средний уровни, рассекая воздух с пронзительным свистом. В ближнем бою длина оружия дает преимущество, и, казалось, Лу Шиюаню уже не уйти от удара. Его короткий изогнутый нож был вдвое короче вражеских клинков, и, не имея возможности подобраться вплотную, он выглядел бесполезным.

Кто сказал, что это так?

Лу Шиюань резко согнул колени, подался всем телом назад и точно встретил скрещенные клинки своим тесаком, ударив аккуратно в точку их пересечения.

Сила действия равна силе противодействия: чем мощнее был удар нападавших, тем сильнее их тряхнуло от отдачи. Лу Шиюань заранее скрестил руки, принимая на себя этот натиск. Раздался скрежет металла, от которого сводило зубы, а затем один из па-дао не выдержал и покрылся зазубринами от удара тесака.

Воспользовавшись замешательством противника, Лу Шиюань хладнокровно наклонил лезвие, зацепил зазубренный край вражеского меча и рванул на себя. Скользя по земле в той же откинутой назад позе, он проскользнул прямо под пах одного из нападавших, который потерял равновесие и заваливался вперед, и в этот же момент с силой ударил его плечом снизу вверх.

Раздался жалкий, пронзительный вопль — звук, в котором была сосредоточена вся боль, доступная мужчине в подобный момент.

Тот самый умелый боец, чьи детородные органы, по всей видимости, превратились в кашу, под толчком Лу Шиюаня налетел на своего же главаря, который как раз собирался нанести ответный рубящий удар. Нужно признать, удача Лу Шиюаня в тот момент была просто феноменальной.

Главарь не успел сдержать клинок, и его подельник получил новую рану — чуть было не перерубили своего же.

Лу Шиюань поднялся на ноги и встряхнул запястьями. Руки немного онемели от напряжения, но ничего страшного не произошло. Его черный изогнутый нож, словно клинок призрака, указал на главаря:

— Один на один.

Главарь узнал Лу Шиюаня и в ярости взревел:

— Это ты! Зачем? Какую выгоду тебе пообещала семейка этого старика?

Лу Шиюань проигнорировал его. Раз противник не нападает, он начнет сам.

В ближнем бою один на один, стоило лишь выйти из зоны досягаемости па-дао, как Лу Шиюань с его коротким клинком принялся разделяться с врагом, словно с набитой соломой куклой.

К тому времени, как двое других, что до этого стреляли из луков на поляне, прибежали на подмогу, битва была уже закончена.

Главарь и его помощник получили по игле из духовой трубки Лу Шиюаня. Парализующее средство, способное свалить слона, подействовало мгновенно. На поляне остался лишь Лу Шиюань, невозмутимо ожидавший остальных.

Один против двоих — и это закончилось довольно быстро.

Лу Шиюань попрыгал на месте, разминая ноющие руки, достал тонкий шнур и связал четверым нападавшим большие пальцы за спиной, а затем стянул лодыжки. После он вернулся в центр рощи, запряг двух мулов и, словно дохлых псов, проволока четверку обратно.

Оставшиеся в живых служанки были напуганы до полусмерти — они превратились в затравленных птиц и даже не осознали, что их спасли. Многие из них явно подверглись насилию: одежда была разорвана, у многих на бедрах виднелись следы крови, а нижнее белье едва прикрывало наготу.

Лишь одна женщина, проявившая стойкость, узнала Лу Шиюаня.

— Благодетель... — она не могла встать от боли, поэтому подползла к нему, заливаясь слезами, и принялась бить поклоны: — Умоляю, спасите моего господина, госпожу и барышню! Их увезли в горы...

Лу Шиюань не стал утешать несчастных женщин, лишь спросил:

— Кто из этих одиннадцати убивал? Кто надругался над вами? Или все они?

Женщина с горечью кивнула:

— Эти твари... Они взяли деньги господина и сговорились с разбойниками. Все они твари! Все они заслуживают смерти!

Понятно.

Лу Шиюань достал другой мешочек с иглами и принялся колоть каждого по очереди.

В этот раз иглы были пропитаны змеиным ядом — нейротоксин, эффект был что надо.

Его рука была тверда. Он знал, что убивает, и ни один мускул не дрогнул на его лице.

Закончив, он сказал женщине, которая уже вернулась к остальным служанкам:

— Знаешь, в какую сторону они ушли? Достаточно примерного направления. Я постараюсь их вернуть.

Увидев, как в глазах женщины загорелась надежда, Лу Шиюань добавил:

— Если их уже нет в живых, я не вернусь. Ждите до завтра. Если я не приведу людей, не ждите — решайте сами, куда идти.

Можете заявить властям или просто бежать. Имущество семьи Старика Лю осталось на месте. Те разбойники, что увозили людей, явно не ради наживы старались — те, кто гнался за деньгами, уже мертвы.

Оставшееся добро для слуг — целое состояние.

Их судьба теперь в их собственных руках. Даже если они заберут деньги и сбегут, как только он уйдет, Лу Шиюаня это не касается.

Он просто терпеть не мог тварей, издевающихся над женщинами.

Женщина смогла указать лишь примерное направление. Разбойники забрали карету, в которой ехали Старик Лю с женой, запихнули туда же невестку и маленькую внучку и уехали.

Ценности они не тронули — очевидно, так было заранее оговорено с предателями-охранниками: те забирают деньги, а разбойники — людей.

Служанок не убили сразу, вероятно, планируя надругаться, а потом продать.

Если дело не в деньгах, значит, цели у них куда более серьезные.

Лу Шиюань, следуя указанному направлению, сжал духовую трубку. Отказавшись от

предложения служанки взять одну из лошадей, он двинулся в путь пешком.

Проследив за следами колес, он через час пути добрался до бандитского логова.

Надев черную маску, он терпеливо дождался темноты, и вот — «великий мастер маскировки» снова в деле.

В этом лагере было не так много людей, почти все — молодые и сильные мужчины. Стариков, женщин и детей не было.

Были лошади, провизия, оружие.

Видимо, недавно закончив дело, разбойники пировали: трое караульных выпивали на сторожевой вышке, остальные сидели в домах. Помимо главного здания, дымилась только кухня — там кипела работа, люди постоянно носили оттуда вино и закуски.

У печи было окно, и на кухне всегда оставалась пара поваров.

Лу Шиюань тихо притаился в тени под окном. Он не сомневался, что дождется момента, когда там никого не останется.

Неизвестно, то ли ему так везло, то ли небо отвернулось от этих негодяев, но из главного зала слышалось:

— Главарь говорит, закуска сегодня хороша, зовите и вас к столу, выпьете по чарке!

С кухни крикнули в ответ:

— Но у нас суп на огне...

— Да пусть варится, чем дольше, тем вкуснее!

— Ладно, ребята, бегом за наградой главаря, а потом вернемся и приготовим еще!

— Есть!

Они с шумом и смехом вывалились наружу. Лу Шиюань мгновенно скользнул в открытое окно. Кухня была залита светом, и из ворот или главного зала можно было увидеть часть помещения, поэтому он двигался предельно осторожно, прижимаясь к теням.

Быстро открыв крышку котла, он высыпал туда горсть порошка, который долго держал в руке.

И тут же исчез.

Эта банда была на пике своей самоуверенности. Им и в голову не приходило, что кто-то может пробраться в лагерь под покровом ночи. Единственное, чего они опасались — утечки информации, которая могла навлечь на них правительственные войска.

Впрочем, даже властей они не особо боялись.

Поэтому пировали на славу!

Совсем иная картина была в холодном сарае для дров, где держали пленников.

На двери висела тяжелая цепь, внутри царил мрак, слышны были лишь подавленные всхлипы женщин и детей.

Лу Шиюань притаился за сараем, прижавшись спиной к стене. Он не стал подавать голос, чтобы предупредить их о спасении — просто замер в тишине.

Хотя эти бандиты не казались милосердными, стоило убедиться, что они не принесут заложникам отравленного супа.

С того момента, как он понял, что в лагере нет ни стариков, ни детей, Лу Шиюань осознал: это не обычные горные разбойники.

По крайней мере, не те бедолаги, что уходят в горы от безысходности.

Это были явно наемные бандиты, содержащиеся на чьи-то средства.

Похищение семьи Старика Лю определенно преследовало иные цели, так что их не дадут умереть с голоду — напоить их супом было вполне вероятно.

Кем бы они ни были, именно они стали причиной гибели слуг внизу и слез женщин, взывающих к небу.

Жалеть их не стоит.

Вскоре действительно кто-то пришел с едой.

Тот, кто принес, ворчал, явно недовольный главарем: он жаловался, что всех женщин оставили внизу, на радость другим, а им в горах приходится поститься.

Он вошел в сарай и зажег масляную лампу. Через щели в дереве было видно: снаружи человек мог видеть внутренности сарая, а те, кто внутри, даже не догадывались о присутствии наблюдателя.

Только вода и холодные лепешки. Никакого супа.

Убедившись в этом, Лу Шиюань скрестил руки на груди и продолжил ждать.

Вскоре из сарая донеслись гневные окрики старика, испуганный визг ребенка и отчаянный плач женщины. На лбу Лу Шиюаня выступили вены.

Звук пощечин, крики детей, рыдания...

По ворчанию принесшего еду стало ясно: он положил глаз на молодую беременную женщину и твердил, что от пары раз ничего не случится, при этом запрещая им шуметь и угрожая бить ребенка, если они посмеют звать на помощь.

Лицо Лу Шиюаня стало темнее тучи. Он подошел к деревянной стене, стиснув зубы, и, не проронив ни слова, уставился на шумный главный зал. В его черных глазах отражались огни пиршества — казалось, там пляшет пламя, готовое в любой момент вырваться из тьмы и сжечь всё дотла.

Он крепко сжимал духовую трубку, слушая отчаяние и мерзость, творящиеся в сарае, и подавлял в себе желание броситься вперед, не глядя ни на что.

До тех пор, пока из главного зала не донесся другой шум — грохот падающих тел и звон разбиваемой посуды.

<http://bllate.org/book/20572/2055716>